

**Особенности содержания немецких военнопленных в СССР
(по материалам Свердловской области)**

Уже более полувека отделяют нас от великой Победы. Борьба с фашистской Германией это не только историческая веха в жизни государства, но и целый психоэмоциональный пласт в жизни людей старшего поколения, наложивший отпечаток на дальнейший образ жизни и поведения. Воспитанные в непримиримости к фашизму и фашистской идеологии, мы порой забывали выслушать другую сторону. В результате годами складывался стереотип «немец – нацист, фашист». Но и они, наши потенциальные противники, были разные, свидетельством этого является различная юридическая квалификация деятельности бывших немецких военнопленных.

Анализ существующих работ по военному плену Второй мировой войны показывает, что в историко-правовой науке проблема правового статуса иностранных военнопленных в СССР поставлена, но не изучена до конца. Единственной работой по этой проблеме является кандидатская диссертация Щелокаевой Т. А. «Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939-1956 гг.)».

Вместе с тем, как отмечает известный историк военного плена профессор Конасов В. Б., юридическая наука поставлена «перед необходимостью более тщательной проработки таких ключевых понятий как «военнопленные», «военный плен», «режим военного плена», «правовой статус военнопленных»¹.

Неоднозначный подход к понятийному аппарату приводит к тому, что в настоящее время существуют диаметрально противоположные оценки правового статуса иностранных (в том числе и немецких) военнопленных в СССР. Так, известный профессор-юрист В. П. Галицкий считает, что все вражеские солдаты, захваченные Красной армией в плен, имели статус военнопленных². Профессор-историк Н. А. Морозов полагает, что «по существу после Сталинградской битвы немцы и их союзники, попавшие в русский плен, были лишены статуса военнопленных»³.

В ряде исторических работ используется термин «военнопленный» в отношении советских военнослужащих побывавших в немецком плену, а затем после репатриации на Родину отправленных в сталинские лагеря.

Заслуживает внимание точка зрения исследователя-юриста Щелокаевой Т. А., считающей, что «правовой статус военнопленных на

¹ См.: Конасов В. Б. Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941-1956 г.г.). Автореф. дис. док. ист. наук. М., 1998. С. 33.

² См.: Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД. М., 1997. С. 8.

³ См.: Морозов Н. А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948-1954 гг.). Сыктывкар, 1998. С. 108.

территории СССР определялся только нормами советского права – (подчеркнуто нами. – А. С.). Для исследуемого периода характерна опосредствованная форма трансформации норм международного права во внутренние, так как господствовала концепция приоритета национального права над международным»⁴.

Положение о военнопленных 1941 г. и Инструкция о порядке содержания военнопленных 1941 г. гарантировали им право на жизнь, на гуманное обращение, свободу передвижения по территории лагеря, право на переписку, денежные переводы.

Имелись свои особенности и в содержании иностранных военнопленных в СССР. Как правило, военнопленные содержались в специальных лагерях ГУПВИ (Главное управление по делам военнопленных и интернированных) НКВД СССР. Эти режимные лагеря имели свои особенности в отличие от общей пенитенциарной системы ГУЛАГа НКВД.

Именно поэтому, в современных работах по истории уголовно-исправительной системы СССР о них нигде не упоминается, хотя количество их было значительным.

Только на территории Свердловской области по официальным данным, находилось с мая 1942 г. по февраль 1956 г. около 100 тысяч человек, которые располагались в 14 лагерях и лаготделениях.

Сроки заключения были в основном стереотипными – 25 лет лишения свободы, т. е. должны были заканчиваться в 70-е годы. Но, политическое решение возобладало над юридическим. Состоявшиеся, секретные переговоры, осенью 1955 года, между Н. С. Хрущевым и канцлером ФРГ Конрадом Адэнауром привели к тому, что последние немецкие военные преступники, в конце 1957 г. покинули территорию СССР.

Долгие годы материалы о немецких военнопленных носили секретный характер и хранились в Особом архиве КГБ СССР, а также в ряде архивов государственной безопасности различных регионов страны.

Значительная часть архивных уголовных дел, связана с понятием «военный преступник». Эти фигуранты запятнали себя злодеяниями и зверствами на территории СССР в годы войны и с точки зрения международного права никогда не подлежат реабилитации, как совершившие преступления против человечества.

Вторая группа, это немецкие военнопленные, вина которых незначительна или малозначительна. Лично они не принимали участие в карательных операциях против мирных советских граждан. Вина их заключалась в том, что они служили в эсэсовских или иных карательных частях, например, коновозчиками, санитарями, писарями и т. п. Необходимо напомнить, что «Вермахт» – регулярные части немецкой армии, были распущены после подписания договора о капитуляции Германии. Наказание

⁴ См.: Щелокаева Т. А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939-1956 гг.). Автореф. дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 17.

в плену отбывали только карательные части. К ним относились части «СС», «СД», а также спецслужбы гестапо, абвер и т.п. Список этих частей был утвержден Чрезвычайной Государственной Комиссией (ЧГК СССР).

В начале 90-х гг. прокуратурой Свердловской области было реабилитировано свыше двухсот человек и их уголовные дела были переданы из архива Управления ФСБ РФ по Свердловской области в Архив административных органов Свердловской области.

Третья группа это интернированные граждане из Германии и Австрии. В основном специалисты и ученые. Некоторые из них внесли определенный вклад в развитие науки и совершенствование промышленного производства на Урале. К примеру, на мехзаводе треста «Союзасбест» внедрили штамповочный пресс для производства гаек, предложенный военным инженером В. Хайне. Конструкцию цепи трансформатора разработал военнопленный Ф. Лич. Профессор А. Хабюель написал монографию на тему: «Расчет прочности железобетонных и сталебетонных конструкций на нагрузку, растяжение и сгибание»⁵. И таких примеров было немало.

В последние годы, в связи с развитием российско-германских отношений, проблема военнопленных получила новое освещение. Причем проблему активно разрабатывают как историки, так и юристы. Как уже отмечалось выше профессор В. Б. Конасов, из Вологды, посвятил немецким военнопленным несколько крупных работ.

Так, в статье «К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР» автор пытается на основе рассекреченных документов установить хотя бы приблизительную цифру пленных немцев, побывавших в лагерях и тюрьмах Советского Союза в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы⁶. В другой статье «К истории советских и немецких военнопленных» В. Б. Конасов и А. В. Терещук анализируют правовую базу создания лагерей, содержание пленных в тюрьмах и колониях⁷. Особого внимания заслуживает и фундаментальная монография профессора Конасова В. Б. «Судьбы немецких военнопленных в СССР», включающая в себя разного рода документы, записи, телеграммы, что позволяет более полно осветить эту проблему⁸.

К государственной политике по отношению к военнопленным, к вопросу организации армейских приемных пунктов, режиму в лагерях в 1941–1945 гг. неоднократно обращался в своих работах доктор юридических

⁵ См.: Смыкалин А. С. Строители из дивизии «СС» // Уральский рабочий. 1995. 17 января.

⁶ См.: Конасов В. Б. «К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР // Вопросы экономики. 1994. № 11.

⁷ См.: Конасов В. Б., Терещук А. В. К истории советских и немецких военнопленных (1941-1943 гг.) // Новая и новейшая история. 1996. № 5.

⁸ См.: Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1996.

наук, военный историк Галицкий В. П.⁹ Ему удалось показать также социальные и психологические проблемы солдат неприятельских армий в условиях военного плена.

Однако, изучение судеб военнопленных, условий их жизни в СССР, в те годы, невозможно понять без анализа системы исправительно-трудовых учреждений.

Эти вопросы пытался осветить автор данной статьи¹⁰. Анализ ряда рассекреченных нормативных актов, приказов и других материалов, в совокупности с уникальными фотографиями лагерей и спецпоселений 40-х–50-х гг. дает глубокое представление о формировании пенитенциарной системы советского государства и, в частности о системе лагерей для военнопленных и интернированных.

Поскольку лагеря и спецпоселения создавались в основном в тылу страны, нет ничего удивительного в том, что на территории Урала была расположена целая сеть таких лагерей. С помощью бесплатной рабочей силы пленных, на Урале осуществлялось строительство заводов, объектов социально-культурного назначения, жилых зданий. Только в городе Свердловске и Свердловской области целые районы были построены руками военнопленных. Об этом красноречиво свидетельствуют сохранившаяся кинохроника и уникальные фотографии.

Хотя на Урале и располагалось множество лагерных пунктов, учет военнопленных, их захоронений не производились должным образом. Большая исследовательская работа, проводимая профессором Уральского государственного университета Мотревичем В. П., позволила восстановить сотни забытых имен иностранных солдат и офицеров и определить места их захоронения на территории Урала.

Но особый интерес представляют мемуары бывших немецких военнопленных, которые позволяют проследить эволюцию мировоззрения немецких солдат, оказавшихся в советском плену¹¹. Именно взгляд изнутри, дает возможность больше узнать о формах и методах антифашистской пропаганды, быте и образе жизни в лагерях, отношении к русским вообще.

Итак, предоставим слово другой стороне.

⁹ См.: Галицкий В. П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10; Его же. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4; Его же. Вражеские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1990. № 9.

¹⁰ См.: Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997.

¹¹ См.: Kurt Werner Andres. Vergangenheit – Bewältigung oder Verdrängung? Briete 1940 bis 1949 im Ruckblick. – edition Fischer. Frankfurt (Main). 1995; Stefan Karner. Im Archipel CUPVI. Kriegsgetangensehaft und Internierung in der Sowjetunion 1941-1956. R. Oldenbourg Verlag Wien Munchen. 1995; Karner S. Der Arbeitseinsatz der deutshen Kriegsgetangenen in der Sowjetunion und ihre Repatriierung. 1995.

Германские историки придерживаются того мнения, что в плену оказалось свыше 3 млн. человек, солдат и офицеров вермахта из которых приблизительно 1,15 млн. человек погибли в лагерях Советского Союза¹². Известный российский исследователь профессор В. П. Галицкий, используя справку архивного отдела Главного управления мест заключения (ГУМЗ) МВД СССР, привел следующие цифры: в Советском Союзе находилось 2 389 560 германских военнопленных, из которых 350 678 умерло¹³. Однако и эта цифра, по нашему мнению, не является окончательной. Дело в том, что главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР не могло вести строгий учет всех военнопленных армий противника. На армейских пунктах и во фронтовых лагерях текущий учет был поставлен плохо, а персонального учета не существовало вообще. Кроме того, перемещение из лагеря в лагерь, фильтрация, тоже затрудняли правильное ведение статистического учета.

Тем не менее, за каждой сухой цифрой скрывалась судьба живого человека. Курт Вернер Андрес попал в плен уже после окончания войны. Сначала он находился в американской оккупационной зоне, а затем вместе с другими немцами был передан советской стороне. Долгий путь по России закончился тем, что в середине июня 1945 г. их посадили в товарные вагоны, по 40 человек (в составе всего было 18 вагонов) и отправили на Урал. «Почти 5 недель продолжалось наше путешествие по России – пишет Курт Андрес, пока мы не достигли восточного края Среднего Урала, Кушвы, 200 км севернее Свердловска. В дороге нам давали редкий суп, сушеный хлеб «сухари» и соленую сушеную рыбу, а пить очень мало и не всегда. На станциях люди пытались попасть камнями в люки вагонов, все время слышалось «Гитлер капут!». Многие пленные в Кушве уже не могли стоять на ногах и их на грузовиках отвезли в лагерь.

По прибытии в лагерь нас первым делом повели в баню, волосы на голове и теле нам сбрили, одежду обеззараживали. Потом все было сумбурно, так как все искали свою одежду, и многим пленным одежду пришлось заменить или дополнить. С обработкой против вшей был связан и новый обыск, и последние ценные предметы: часы, кольца, зажигалки, фотографии, кошельки были отобраны.

Комендатура лагеря была особенно заинтересована в скорейшем физическом восстановлении пленных, так как в Кушве велась добыча железной руды в карьерах – тяжелейшая физическая работа. Гора носила название «Благодать», так же называлась и бригада. Порода взрывалась, грузилась на тележки или вагонетки и перевозилась по образовавшимся на горе террасам к месту разгрузки. Процент железа в породе составлял почти 50%, поэтому работа вручную требовала огромных физических затрат.

¹² См.: Международная научно-практическая конференция «Проблемы военного плена: история и современность». Вологда, 1996.

¹³ См.: Конасов В. Б. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 187.

Хотя я как офицер еще не был задействован в работе в августе 1945 г., я добровольно вызвался на разработки и лично получил представление о тяжести такой работы. «Горняком» я проработал всего 2 недели, потому что потом 30 офицеров, и я в том числе, были переведены в лагерь «Верхотурье».

У истока реки Тура, на окраине города Верхотурье с числом жителей примерно 15 000 человек, располагался лагерь 7.376/3, в котором я провел почти 3 года, с августа 1945 г. до закрытия лагеря в мае 1948 г.

В конце 1942 г. Государственный комитет обороны принимает решение о срочном строительстве в Свердловской области нескольких ГЭС, в том числе и Верхотурской. Объем изыскательских и проектных работ по ней был уже достаточно велик. Стройка требовала значительного привлечения людских ресурсов. С начала 1945 г. поползли слухи о скором прибытии заключенных. Лагерь для «спецконтингента» был давно готов, оставалось только оградить его забором. С начала ожидали наших, «советских» зэков, потом заговорили о полицаих и «изменщицах Родины» (женщинах сожительствовавших с немецкими офицерами), и, наконец, было объявлено: придут немецкие военнопленные.

Действительно, эшелон с ними пришел в Верхотурье, вскоре после окончания войны. Он состоял из солдат и офицеров так называемой Курлянской группировки, которая до капитуляции Германии держала оборону на кусочке советской земли в Прибалтике»¹⁴.

В лагере «Верхотурье» содержалось от 700 до 800 заключенных. Штабные офицеры и генералы большей частью размещались в лагерях только для офицеров. Во главе лагеря стоял «начальник». Наряду с советским лагерным управлением было и немецкое, возглавляемое старшим по лагерю. Верхотурье был не основной лагерь, основной лагерь с «управлением» находился в Красноуральске. Другие основные и не основные лагеря на среднем Урале были: Нижний Тагил, Первоуральск, Асбест и Карпинск. Здесь следует отметить, что мало кто из пленных содержался в Сибири, т. е. восточнее Урала.

Пленные боялись попасть в лагерь Карпинск; он прослыл как режимный лагерь с более тяжелыми условиями работы и худшим содержанием. В основном туда отправлялись пленные, если выяснялось, что они состояли в отрядах СС, полевых и местных комендатурах, полицейских отрядах или спец. отрядах, а также, если участвовали в охране русских военнопленных или в партизанской войне. К этим группам приравнивались определенные войсковые части, в районе действия которых совершались преступления.

Исходя из анализа советского законодательства о военнопленных, цель была одна, максимальное использование трудовых ресурсов. Поэтому, по нашему мнению, даже идеологическая задача перевоспитания бывших немецко-фашистских захватчиков, отходила на второй план. 4 июня 1945 г.

¹⁴ Пушкарев Г. Неизвестная стройка // Уральский рабочий. 1999. 7 декабря.

ГКО принял постановление № 8921 «СС» «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных» По этому постановлению нужно было провести рациональное распределение поступавшей с фронтов и уже имеющейся рабочей силы по различным хозяйственным отраслям СССР. На первом месте был Наркомат угольной промышленности, он должен был получить в свое распоряжение 41 500 человек, далее следовали Наркомстрой – 30 750 человек, Наркомат путей сообщения – 27 500 человек и т.д. общее же количество военнопленных составило 2 млн. 70 тыс. человек, в том числе 1 млн. 300 тыс. немцев¹⁵.

Отдельным пунктом постановления № 8921/СС было проведено решение, которое обязывало НКВД освободить и репатриировать на родину из тыловых лагерей и спецгоспиталей до 225 тыс. нетрудоспособных вражеских солдат.

В дополнение этого пункта был издан приказ № 00698, в котором перед начальником ГУПВИ генерал-лейтенантом М. С. Кривенко ставилась задача организовать в лагерях и госпиталях тщательный отбор установленного решением высшей инстанции количества военнопленных. В списки на репатриацию разрешалось вносить только рядовой и унтер-офицерский состав. В документе оговаривалось, кого следует в первую очередь отнести к категории нетрудоспособных – инвалидов, лиц страдающих туберкулезом и дистрофией, хирургических больных с незаживающими ранами. Отбором репатрируемых занимались специальные комиссии, куда не могли входить врачи из военнопленных.

29 сентября 1945 г. было введено в действие «Положение о трудовом использовании военнопленных». Согласно ему распределение рабочей силы по конкретным хозяйственным объектам осуществлялось по решениям ГКО (в последствии Советом Министров) и НКВД. При этом стройки и предприятия, на которые направлялись военнопленные, выступали в качестве хозяйственных органов-работодателей или хозорганов, а НКВД в лице лагерей военнопленных – поставщика рабочей силы. От лагеря требовалось поддержание стабильного числа («явочной численности») работающих на объекте, сохранение их работоспособности. Поэтому одной из главнейших забот НКВД было физическое состояние военнопленных: их жилищные условия, снабжение, питание, медицинская помощь, использование по специальности, охрана труда, длительность рабочего времени.

Впервые озабоченность физическим состоянием и смертностью военнопленных руководство НКВД проявило еще в начале 1943 г.; позже были введены три категории трудоспособности военнопленных. Однако хозяйственных нормативов трудоспособности не было. Только в начале 1945 г., когда по результатам проверки на предприятиях угольной

¹⁵ См.: Коначов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1996. С. 126.

промышленности было зафиксировано, что среднее число работающих военнопленных здесь составляет 60-65% от списочного состава, приказом НКВД было установлено, что «вывод трудового фонда на работы» не должен быть менее 80 процентов¹⁶.

Однако в лагерях для военнопленных отношение начальства к немецким узникам не было таким дружелюбным. Отношение государства к тысячам пленных проявлялось и после их смерти. В связи с этим достаточно обратить внимание на кладбища Тагиллага.

Весимское кладбище на Голом камне – одно из мест захоронения немецких военнопленных на Урале. Сегодня вся территория этого кладбища завалена отвалом ВЖР.

Кладбище № 245 было открыто в ноябре 1944 г. Однако в 1957 г. Нижнетагильский горисполком принял решение о его ликвидации, несмотря на предложение МИД СССР, МВД и Свердловского облисполкома о переносе кладбища на другое место. Вскоре было ликвидировано еще одно кладбище для военнопленных недалеко от завода № 63.

С мая 1944 г. по апрель 1950 г. недалеко от Нижнего Тагила размещалось самое крупное на Урале кладбище для военнопленных. Находилось оно в 15 км от города в районе рудника имени III Интернационала. На нем захоронено 1,7 тыс. человек, в основном немцев. Среди захороненных было много женщин, детей, престарелых. Это были гражданские лица немецкой национальности, интернированные после войны из Германии, стран «народной демократии» и советской зоны оккупации в Германии¹⁷.

Судьбы бывших немецких военнопленных складывались по-разному. Многие навсегда остались лежать в земле России, многие умерли уже на родине в Германии, Австрии. Но сохранилась еще незначительная часть людей, которым тогда было 18-25 лет. Их воспоминания представляют ценный исторический источник.

Девятнадцатилетним юношей попал в плен бывший радист одной из частей «Люфтваффе» (военно-воздушные силы Германии) – Герхард Шлиппхаке.

В плену, он оказался на Урале, в Пермской области, г. Соликамске, а позднее и в самой Перми на телефонном заводе. Годы, проведенные в плену, не только не озлобили душу молодого немца, но и явились для него «школой жизни» о чем он говорил в небольшом репортаже на Свердловском телевидении, в июле 1999 г. Десятки раз, потом приезжая на Урал (в 70-е годы он работал сотрудником по экономическим вопросам посольства ФРГ) Герхард сохранил дружеские отношения со многими русскими людьми. Эти контакты продолжаются и по сей день.

¹⁶ См.: Родина». 1997. № 9. С. 82.

¹⁷ См.: Кириллов В. М. История репрессий в нижнетагильском регионе Урала 1920-е начало 50-х гг. Ч.: «Тагиллаг 1940-е г.г. – начало 50-х гг.». Нижний Тагил, 1996. С. 35.

Другой бывший немецкий военнопленный Кархайнц Гаст, ныне проживает в г. Берлине и его воспоминания о пребывании в г. Свердловске, в послевоенные годы, тоже представляют значительный интерес для истории военного плена.

Бернхард Моершбахер тоже молодым человеком был в плену на Урале, в г. Каменск-Уральском. Номер его лагеря 314/8, он запомнил на всю жизнь. Позднее Бернхард был переведен в г. Москву.

По его рассказам, на Урале, они занимались в основном строительством объектов социально-культурного назначения и жилых домов. Такая, строительная направленность, в плену, сказалась и на его дальнейшей профессии. После плена, в Германии Бернхард приобрел специальность инженера-строителя, по которой работал долгие годы, до выхода на пенсию. Ныне, Бернхард Моершбахер проживает в небольшом городке Аахене, на границе с Францией. В 1999 г. он после 54 лет, вместе с женой Алисой, вновь побывал на Урале в г. Каменск-Уральском и Екатеринбурге (Свердловске) там, где прошли его годы юности. Значительная часть немецких военнопленных была репатриирована в Германию в первые пять лет после войны. В архивах не сохранились даже учетно-регистрационные карточки этих людей. Определенный процент, был реабилитирован уже в 1990-е гг. Розыск некоторых из бывших военнопленных ведется по линии Красного Креста. Таким образом, исследование имеет не только теоретическое, прикладное значение, но и практическое, когда речь идет об установлении судьбы конкретного человека.

Вместе с тем, необходимо отметить, что нельзя все идеализировать и представлять в розовом цвете. Великая Отечественная война была войной не столько техники, сколько войной непримиримых, антагонистических идеологий. На Западе и сейчас живет достаточное количество людей, в том числе и бывших военнопленных, которые относились негативно ко всему, что было связано с Россией и русскими. Многие сохранили свои убеждения и по сегодняшний день, оставаясь приверженцами нацизма. В этом, по нашему мнению, и причина, что не удастся создать такой общественной организации в Германии, как «Союз бывших военнопленных».

Автору этих строк доводилось в разговоре с немецкими друзьями прислушиваться к рекомендации не встречаться с тем или иным бывшим военнопленным, который до сих пор считает себя нацистом.

Любопытный факт, десятки архивных уголовных дел переданных из Управления ФСБ РФ по Свердловской области в Архив Административных органов Свердловской области имеют справку о реабилитации того или иного фигуранта. Но, ни один из них никогда не обращался за подобным документом. Ни свидетельствует ли это о том, что они не считают себя побежденными и виноватыми? А раз так, им не нужен никакой юридический документ страны-победительницы.

Много вопросов и пока еще не очень много ответов. Изучение истории военного плена второй мировой войны сравнительно новая сфера

исторической и историко-правовой науки. Она ведет свой временной отсчет, в нашей стране, с начала 90-х гг., когда исследователи получили доступ в ведомственные архивы. Поэтому использование такого направления, как воспоминания живых очевидцев и участников тех далеких событий является очень важным, ибо это дает максимальное приближение к объективной оценке истории плена в нашей стране вообще.

Н. М Маркдорф
(Новокузнецк)

Проблема толерантности во взаимоотношениях немецких военнопленных с населением Западной Сибири в 1940-1950-е годы

В период с 1943 по 1948 годы в Сибири действовали 25 лагерей, 16 отдельных рабочих батальонов (ОРБ) и 13 спецгоспиталей для военнопленных и интернированных гражданских лиц с примерной численностью 230-245 тысяч человек. Из них 9 (не считая режимных лагерей) располагались в Западной Сибири и 13 – в восточной¹. Наибольшее число военнопленных содержались в лагерях Иркутской и Кемеровской областей. На территории Кемеровской области были созданы: в 1942 г. - лагерь № 142; в 1944 г.- № 203; в 1945 г. - № 503, № 525 и № 526². Первый лагерь военнопленных в Тюменской области был создан весной 1943 г. под номером 93³. 27 мая в областной центр прибыла группа немцев, румын и итальянцев. Всего до конца года в Тюмень поступило 2373 человека, которых распределили по трем лаготделениям. С июля 1944 г. начал свою деятельность лагерь № 199 в Новосибирске⁴. Еще один лагерь организовали в г. Рубцовске Алтайского края. Сюда 4 июня 1945 г. прибыл эшелон, в котором находились 1992 военнопленных, в основном немцы. Пройдя карантин, обустроив лагерь, они стали трудиться на Алтайском тракторном заводе. С 13 октября по 25 ноября 1945 г. в лагерь № 511 прибыло 5965 бывших военнослужащих японской армии. В конце 1945 г. в Западной Сибири сформированы лишь два новых «японских» лагеря – № 36 и

¹ См.: Букин С. С. Воспоминания немецких военнопленных о Сибири как исторический источник // Сибирь на рубеже XIX-XX веков. Новосибирск, 1997. С. 98-102.

² См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 62 (Доклад о деятельности лагеря № 464 МВД СССР за период 1 октября 1949 г. - 1 июня 1950 г.).

³ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 109. Л. 18-19 (Итоговый доклад о работе бывшего лагеря для военнопленных № 93 МВД СССР 1943-1949 гг.).

⁴ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 170. Л. 22 (Ликвидационный акт о расформировании лагеря военнопленных МВД СССР № 199 г. Новосибирска от 5 марта 1949 года).